

до четырехъ дня, и дѣлають, что хотять, въ то время какъ господинъ и госпожа Ф. и тѣ изъ сосѣдей, которые заходятъ туда, даютъ требуемые совѣты и производять самый необходимый надзоръ.

Я услыхалъ объ этой школѣ еще въ то время, когда она находилась въ Нью-Рашель. Одинъ изъ моихъ друзей говорилъ мнѣ тогда, что она — самое шумное мѣсто на свѣтѣ. Перенесеніе ея въ Бруклинъ не произвело никакой перемѣны въ этомъ отношеніи, и мнѣ не нужно было справляться, гдѣ она помѣщается, такъ какъ шумъ былъ слышенъ еще на улицѣ. Когда я подошелъ къ двери, съ лѣстницы сбѣжали три или четыре мальчика съ метлами и лопатами, чтобы расчищать снѣгъ. Они поклонились мнѣ и вѣжливо отвѣчали на мои вопросы; я открылъ дверь и очутился въ «Домѣ игры», который вполне соответствовалъ своему названію.

Это — большая, веселая комната, занимающая большую часть перваго этажа и хорошо меблированная маленькими деревянными стульями, сдѣланными, по счастью, очень прочно, которые или стояли тамъ и сямъ, или лежали на полу кверху ногами. На нѣкоторыхъ изъ этихъ стульевъ сидѣли мальчики и дѣвочки отъ пяти до тринадцати лѣтъ, которые писали, рисовали, разговаривали и кричали. Г-жа Ф. и двѣ ея товарки, сидѣвшія посреди этого шумнаго общества, подошли, улыбаясь, ко мнѣ, впередъ, видимо очень довольныя всѣмъ окружающимъ и привыкшія къ нему. Господина Ф. я увидалъ въ альковѣ; онъ работалъ у верстака, при чемъ двое или трое дѣтей посматривали на него и подражали ему въ своей игрѣ. Г-нъ Ф. — человѣкъ занятой, но онъ ѣздитъ въ Нью-Йоркъ только послѣ полудня. И вотъ онъ отдастъ полдня, а г-жа Ф. цѣлый день на дѣло воспитанія безъ всякаго вознагражденія. Г-жа Ф. сама производитъ всю домашнюю работу, и когда она стряпаетъ, моетъ или шьетъ, дѣти толпятся вокругъ нея, наполняя ея жизнь довольствомъ и счастіемъ.